

Поселения, жилые и хозяйственные постройки оренбургских казаков

В результате сложных исторических процессов под влиянием политических, социальных и природно-географических факторов в Оренбургском крае в конце XIX — начале XX в. сформировалась своеобразная этнокультурная ситуация. Двухвековая миграция населения на Южный Урал из различных мест России (преимущественно из Среднего Поволжья, Прикамья, Среднего Урала, Зауралья, Западной Сибири) и Украины, будучи неоднородной по своему этническому составу и социально-сословному происхождению, — явилась значительным фактором для развития этнокультурных особенностей. На формирование культурно-бытовых особенностей славянского населения в этом регионе оказали влияние традиции различных групп коренного населения, а также некоторых неславянских народов Поволжья и Приуралья.

Особо следует отметить преобладающую роль государства в колонизации Южного Урала. Создание в первой половине XVIII в. линии пограничных крепостей и Оренбургского казачьего войска было в первую очередь вызвано геополитическими интересами империи. Пограничное положение, особый сословный статус казачества наложили отпечаток на «архитектурное лицо» большинства сельских населенных пунктов Южного Урала, их планировку и даже топонимию. На планировку поселений казаков также оказало влияние и господство в архитектуре XVIII–XIX вв. регу-

лярного стиля. Собственно жилище оренбургских казаков на территории современной Челябинской области имело черты архитектурных традиций, привнесенных русскими из европейской части России (Среднего Поволжья и Волго-Камского региона), Среднего Урала и Западной Сибири. Сохранив основные черты, характеризующие этнографическую принадлежность жилища (в нашем случае средне-великорусскую) — основной строительный материал, технологию сооружения, систему обогрева жилища, декоративные украшения, планировку, оно тем не менее испытало воздействие различных факторов: ландшафта, климата и отчасти этнической составляющей населения края. Наиболее устойчивыми к изменениям оказались планировка жилища относительно печи (северно-среднерусская) и общие для всей великорусской территории мотивы и технология исполнения архаичных декоративных украшений («репейники», ромбы и т.д.), выполненные в технике глухой резьбы.

Однако, в степной зоне к началу XX в. в результате адаптации к новым условиям (дефицит леса и повышенная при сильных ветрах пожароопасность летом) произошла трансформация культурной традиции, сформированной в лесной зоне. Ландшафтно-географические условия особенно сильно сказались на сельской архитектуре южных и юго-западных районов войсковой территории (бывшие Верхнеуральский, Оренбургский, Орский уезды). Причем эти условия были усугублены воздействием человека на ландшафт (вырубка лесов). Отсутствие или острый дефицит привычного строительного материала в конце XIX — начале XX в. заставил казаков, проживавших на этих территориях, включая большую часть Новолинейного района, использовать нетрадиционные строительные материалы (камень, саман, глину, дерн, солому, камыш и т.д.). Использование новых материалов вынуждает видоизменять и строительные приемы, которые часто приходилось заимствовать у соседей (т. е. кладку фундаментов, хозяйственных построек и заборов из дикого камня) или у локальных этнографических групп в своем сословии, то есть у оренбургских казаков, выходцев с Дона, Кубани и Малороссии (сооружения из плетней, использование соломы и камыша). Важным фактором, повлиявшим на эволюцию традиционного жилища, являлась городская градостроительная мода.

Жилища казаков в южных районах по многим архитектурным особенностям (преобладание пятистенка, обмазка сруба) тяготеет к сельской архитектуре Южного Приуралья и Средней Волги, формировавшихся в сходной ландшафтной зоне. Традиционная архитектура казачьих поселков, расположенных на территориях

бывшего Троицкого и Челябинского уездов (III Военный отдел), была связана с сибирской традиционной архитектурой и сохранила эту связь в дальнейшем, что выразилось на рубеже XIX — XX вв. в преобладании сибирского варианта покоеобразного двора, а также широком распространении крестовика.

Традиционная архитектура Оренбургских казаков является звеном, соединяющими традиционную архитектуру Европейской России и традиционную архитектуру русского населения Сибири.

Для крупных поселений оренбургских казаков самыми распространенными наименованиями являются «станция» и «поселок», мелкие поселения имеют названия — «хутор», «заимок» («заимка»), «выселок».

Станция — это сравнительно крупный населенный пункт, представляющий собой военно-административный центр, в котором располагалось станичное правление. Совокупность населенных пунктов и земель, объединенных таким центром, называлась «станичным юртом». Нередко понятие «станция» употребляется в значении «станичный юрт», например: поселок Амурский Варшавской станицы (т.е. Варшавского станичного юрта). Поселок — это, как правило, более мелкий населенный пункт, подчиненный станичному центру, но имеющий собственное поселковое правление.

В 1901 г. в трех военных отделах Оренбургского казачьего войска насчитывалось 48 станичных юртов и несколько тысяч различных поселений. Даже на территории Новолинейного района, занятого и освоенного казаками сравнительно поздно, на рубеже XIX–XX вв., существовало более ста населенных пунктов. В начале XX в. самым крупным из них был поселок Варненский Великопетровской станицы, в котором проживало 2785 жителей. Крупными считались станицы: Наследницкая (2259 чел.), Аландская (2103 чел.), поселки Краснинский (2300 чел.), Катенинский (2280 чел.), Арсинский (2280 чел.), Кацбахский (1834 чел.).

Топонимия населенных пунктов

Топонимия населенных пунктов данного региона отражает этноисторические процессы, протекавшие на территории Южного Урала на протяжении, по крайней мере, двух последних тысячелетий. Русские крестьяне и казаки в XVII–XIX вв. осваивали территорию с уже сформировавшейся топонимией, в основном ее сохранив. На этой территории значительный пласт составляют топонимы тюркского происхождения. Поскольку гидронимы (названия различных водных объектов) и оронимы (собственные

названия объектов рельефа местности) сохранились в основном прежние, то есть тюркские, то и часть новых поселений в своих названиях имела тюркские основы. Так, крепость Челябинская названа по урочищу «Челяби-карагай», крепости: Чебаркульская, Еткульская, Кизильская, Коельская, Миасская, Сакмарская, Танальская, Еманжелинская, Санарская; редуты: Каракульский, Аткульский и т.д. — свое название ведут от одноимённых рек и озёр. Другая группа топонимов обладает русскими основами, указывающими на топографические особенности местности: Каменноозерная, Краснохолмская, Россыпная; Магнитная, Степная, Грязнушенский, Увальский; Ключевская, Кособродская, Березовская, Крутоярский.

На территории Троицкого и Челябинского уездов довольно много поселков сформировалось путем разрастания заимок и выселков, располагавшихся вокруг крепостей XVIII в., носящих имена своих основателей: Синеглазовский, Фатеевский, Кайгородовский, Першинский, Коркинский, Белоусовский, Ханжинский и др.

Небольшое количество поселений XVIII в. получили свои имена в честь православных праздников, выпавших на день их основания: крепость Троицкая, станицы Воздвиженская и Пречистенская, поселок Спасский.

Во второй четверти XIX в., после сооружения Новой линии, укрепления и станицы (основанные с 1835 по 1837 г.) получили имена лиц императорской фамилии: укрепление Императорское, станица Елизаветинская, укрепление Наследника, станица Маринская, станица Павловская и др.

Новые поселения, образованные между Старой и Новой линиями в начале 40-х гг. XIX в., в качестве названий некоторое время имели порядковые номера. В 1843 г. «номерные» новолинейные поселения получили названия мест, где российское оружие одерживало победы в XVIII — первой четверти XIX в.: станицы Березинская, Варшавская, Берлинский, Бородиновский, Браиловский, Варненский, Арсинский, Кассельский, Лейпцигский, Наваринский, Рымникский, Измаильский, Кульмский, Полоцкий, Парижский, Тарутинский, Фершампенуазский, Чесменский и т.д.

Казачьи поселки в Новолинейном районе, основанные во второй половине XIX в., как правило, получили имена в честь лиц, принимавших активное участие в освоении и управлении Оренбургским краем и Оренбургским казачьим войском: генерал-губернаторов, военных губернаторов, атаманов. Это поселки: Неплюевский, Могутовский, Углицкий, Обручевский, Катенинский, Астафьевский, Ершовский, Маслоковецкий, Толстовский и др.

В первом десятилетии XX в. во II Военном отделе, отчасти в III отделе было образовано несколько десятков населенных пунктов, возникших в результате переселения казаков из старых поселков на свободные войсковые земли. Названия новых поселков повторяли названия мест выхода: Ново-Буранный, Ново-Аблязовский, Ново-Черноотрожский, Ново-Кондуровский, Ново-Александровский, Ново-Черкасский.

Кроме названий официальных, большинство казачьих поселений имели неофициальные названия. Во многих случаях такое название возникало в память о первоначальном месте проживания. Например, у нагайбаков: Остроленка — Сарашлы, Кассель — Килей (соответствуют названиям деревень в Белебеевском у., откуда нагайбаки были переселены в Новолинейный район), у русских: Рымник — Самара, Кацбах — Сороки (г. Сорочинск современной Оренбургской обл.), Великопетровка — Табынцы (с. Табынское в Башкирии). Причиной появления неофициального названия могли стать также прозвища жителей посёлка, основанные на каких-либо особенностях, приписываемых жителям. Например, проселок Браиловский — «Труболеты» (считалось, что в этом посёлке особенно много ведьм и колдунов), Новоалександровский (Александровка) — «Хомуть», Стрелецкий — «Горожаны» (за светлый оттенок кожи).

Планировка населенных пунктов

В ещё большей степени по сравнению с присвоением названий новым поселениям административный фактор оказывал влияние на планировку и отчасти внешний облик населенных пунктов оренбургских казаков. Государственный характер колонизации предопределил то, что места для новых поселений строго регламентировались. Решающим фактором для закладки крепостей или основания поселений в XVIII в. являлась стратегическая целесообразность, причем выбор мест для новых поселений часто осуществлялся при непосредственном участии государственных чиновников высокого ранга — «начальников края» или их ближайших сподвижников. Этим занимались И. К. Кирилов (1689–1737), В. Н. Татищев (1686–1750), И. И. Неплюев (1693–1775), А. И. Тевкелев (1674–1766), Н. Н. Бахметьев (1772–1831), П. И. Рычков (1712–1777). Так, генерал-губернатор И. И. Неплюев весной-летом 1743 г. лично выбрал месторасположение новых крепостей по реке Уй¹. В первой половине XIX в. основание новых поселений санкционировалось на высочайшем уровне в Петербурге, а постройка их контролировалась Оренбургским военным губернатором. Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский лично в 1836 г.

выезжал в степь в возводимые на Новой линии поселения². Рекогносцировка территории и выбор места для поселений между Старой и Новой линиями в начале 40-х годов XIX в. осуществлялись под контролем военного губернатора В. А. Обручева (1793–1866) и наказного атамана Оренбургского казачьего войска графа Н. Е. Цукато (1794–1867)³. Непосредственная съёмка местности, составление плана и разбивка поселения осуществлялись военными и гражданскими чиновниками рангами пониже (офицерами, урядниками, при обязательном участии военных или гражданских геодезистов, топографов, землемеров). Какая-либо самодеятельность или «народная инициатива» были практически невозможны. Подобные попытки властью пресекались и карались даже в начале XVIII в. Упразднение или перенос населённых пунктов по тем или иным причинам, чаще всего из-за отсутствия в достаточном количестве хорошей воды и сенокосных угодий, санкционировались высшими чиновниками губернии⁴.

Населённые пункты оренбургских казаков, все без исключения, были основаны в XVIII — начале XX в. В это время в планировании поселений господствовал регулярный стиль, распространение которого в России также носило государственный характер (указ Петра I от 7 августа 1722 г. о строении крестьянских дворов по установленному чертежу)⁵. В XIX — начале XX в. внутренняя планировка поселений регламентировалась указами императорскими («...по Высочайше утвержденным для казенных селений планам, соображаясь с правилами постановленными в 774, 777, 780, и 782 ст., т. XII, устава о благоустройстве в городах и селениях»⁶) и местного начальства; в 1843 г. — указом Оренбургского военного губернатора В. А. Обручева⁷, а в начале XX в. — «особой инструкцией о распланировании посёлков», изданной войсковым хозяйственным правлением Оренбургского казачьего войска в 1904 г.⁸, которые в своей основе содержали ключевые положения петровского указа 1722 г.

Поселения оренбургских казаков с регулярным планировочным решением челябинский архитектор М. П. Мочалова разделяет на три типа: 1) с незавершённой сетчатой схемой; 2) правильные сетчатые; 3) регулярные, с усложнённой планировкой⁹. Количество дворов на рубеже XIX–XX вв. в поселениях оренбургских казаков варьировалось от нескольких сотен (Нижеуевельская — 640 дворов) до нескольких десятков или менее (п. Ерофеевский — 14 дворов). Характерной чертой планировки казачьих посёлков было наличие площади-плаца, являвшегося центром общественной жизни поселения. Плац служил местом проведения войсковых смотров и строевой подготовки казаков. На площади или на главной улице

располагалось административное здание станичного или поселкового правления. Площади служили также местом проведения ярмарок. К концу XIX в. во всех крупных посёлках были построены церкви, а в посёлках с мусульманским населением мечети. Первоначально церкви чаще всего были деревянные. Впоследствии из них были заменены на каменные. Церкви располагались на площади или за посёлком, на возвышенном месте. Кроме того, в каждом посёлке имелись две (мужская и женская) казачьи школы. За посёлком относительно недалеко находились общественные запасные хлебные магазины (общественные амбары), мельницы. Удаленность их от посёлка диктовалась пожарной безопасностью. Ветряные мельницы устанавливались на открытых или возвышенных местах.

Улицы в посёлках во избежание пожаров намеренно устраивали широкими, с проулками-разрывами. Ни улицы, ни усадьбы не имели зелёных насаждений по сравнению с населёнными пунктами, расположенными в степной и в лесостепной зонах. По сообщениям информаторов «порядки были чистыми», то есть без деревьев и палисадников. Лишь в начале XX в. у некоторых домов, обычно офицерских, появляются палисадники с зелёными насаждениями. Наряду с зелёными насаждениями отсутствовали в казачьих усадьбах огороды и сады. Казаки посёлка Благословенного Оренбургской станицы объясняли такое положение отсутствием колодцев¹⁰. Обычно огороды и бахчи располагались за посёлком.

Большинство посёлков делилось на концы. Очень часто внутренняя топонимия посёлков говорит о том, кем были и откуда пришли первые поселенцы. Так, посёлок Наследницкий состоял из двух концов, один из которых назывался «Казачьи», другой — «Солдаты». Внутренние топонимы сохранили историческую память о том, что при основании укрепления Наследника, туда были поселены «нижние чины № 10 Линейного Оренбургского батальона из Петропавловского и Кидышевского посёлков»¹¹ и солдаты линейных батальонов, переведённых в казаки¹². Посёлок Аландский Кваркенской станицы, в котором проживали казаки русского и украинского происхождения, также делился на две части: «Хохлы» и «Кацапы». Во всех посёлках, где проживали калмыки, выделяли «Калмыцкие» концы или улицы.

Жилище и усадьба

Наиболее архаичным типом жилых построек оренбургских казаков является двухчастное жилище — изба с сенями, чаще всего их не строили вместе с домом, а пристраивали к нему после.

Такие дома сохраняются до настоящего времени, правда в небольшом количестве, почти во всех посёлках оренбургских казаков. Сооружались они из сосновых и лиственничных бревен или плах диаметром до полуметра (46–50 см). Для возведения дома на высоту трех метров требовалось всего 6–7 венцов. Применялся, как правило, способ рубки дома «в чашку», с выступающими концами. По многочисленным утверждениям информаторов, первый венец дома ставили на вкопанные лиственничные пни — «сохи» или обрубки бревен — «столбы». Планировка домов относится к северо-среднерусскому типу. Печь находится слева или справа от входной двери, направление устья печи и входной двери совпадают. Над входной дверью расположены полати. Крыши домов на два ската, крытые тесом.

Другим широко распространенным типом жилища оренбургских казаков являлся трехчастный (трехкамерный) дом. Вход в такое жилище устроен со стороны двора через «холодные» сени, идущие вдоль задней стены дома. «Холодные» сени переходят в «теплые», делящие дом на правую и левую половины. Дом, таким образом, имеет два жилых помещения и является соединением двух изб, связанным друг с другом в один сруб теплыми сенями. В плане дом симметричен, линия симметрии проходит через теплые сени. Дома подобного типа называют «связью». Планировка дома-«связи» на этой территории также северо-среднерусская. Челябинский историк И. В. Дегтярёв, опираясь на архивные материалы, сообщает о широком бытовании домов-«связей» в Челябинской и Миасской крепостях в XVIII в.¹³

Трёхкамерные дома могли иметь двухскатную тесовую крышу с фронтоном, зашитым горизонтально расположенными досками, с маленьким полукруглым чердачным оконцем и карнизом — «козырем» из теса.

Появление следующего типа дома — «пятистенка» или «пятистенника», кроме распространения городской моды, часто объясняют отмиранием большой патриархальной семьи у великороссов и в том числе у оренбургских казаков¹⁴. В России в сельской местности пятистенок широко распространился во второй половине XIX в. Пятистенок является господствующим типом дома в селах и в наши дни. Это дом, разделенный посередине капитальной стеной, рубленной одновременно с возведением сруба. Часто разделительную стену не рубили полностью, а врубали одно или два бревна в нижние венцы и столько же в последние, верхние. Остальная большая часть «пятой» стены представляла собой дощатую перегородку. Внутренняя перегородка делила дом на «избу» и «горницу». Понятие «изба» сохранялось за той частью

дома, где находилась русская печь. Пятистенки, как правило, возводились на фундаментах из дикого камня. Сруб рубился из сосновых бревен или плах. Диаметр строевого леса — 15–20 см. Из лиственницы рубили по возможности только два первых венца, соприкасавшиеся с фундаментом. Многие богатые дома в казачьих станицах I, II и на юге III отделов имели «крылец-галерею» с парадным крыльцом, которое выходило непосредственно на улицу. По мнению М. П. Мочаловой, высказанному автору в частной беседе, оренбургские «крыльца-галерейки» являются вариантом туркестанского «айвана», заимствованного оренбургскими казаками. Действительно, чаще всего «крыльца-галерейки» встречаются в поселках I и II Военных отделов, казаки которых служили во 2-м и 5-м Оренбургских полках, дислоцировавшихся в Туркестанском военном округе.

Пятистенки обычно имеют невысокую, на четыре ската, крышу, у зажиточных казаков — железную, у менее состоятельных — тесовую. Повсеместное уплощение крыш связано с распространением кровельного железа. Пятистенки, как правило, расположены вдоль улицы по-сибирски. Иногда состоятельные родители строили отделивающимся сыновьям дом «на два двора». Это два пятистенка под общей крышей. Сооружение симметричное, имеет два отдельных входа, два самостоятельных комплекса хозяйственных построек. Линия симметрии проходит через капитальную стену, разделяющую дом на две равные половины. Сообщение между правой и левой частями возможно только через улицу. Внутреннюю проходную дверь не устраивали не только в сенях, но даже и во дворе. Перекрывалось такое сооружение четырехскатной, стропильной крышей. Дальнейшим развитием пятистенка в результате усложнение его планировки в горизонтальной плоскости стало появление «дома углом» и некоторых типов «шестистенка», «крестовика» и «крестовых связей».

Шестистенки — это трехкамерные дома, с расположенными в один ряд (линию) комнатами, где обитаемыми являются все три части дома, в отличие от «связи», в которой средняя часть, то есть теплые сени не жилые. Они сохранились (в небольшом количестве) в большинстве крупных посёлков до настоящего времени. После Гражданской войны и коллективизации их активно перестраивали, перевозили из посёлка в посёлок, использовали под различные учреждения.

«Дома-углом» («угловые дома», «дома глаголем», «угловые связи») распространены в южных поселках степной зоны. Формировался такой дом за счёт углового прируба к пятистенку или к шестистенку.

Дальнейшим усложнением планировки дома является «крестовик», то есть дом, разделенный на четыре части двумя пересекающимися стенами, рубленными одновременно со всем срубом. Примерной границей их распространения на юге территории является река Уй. Южнее поселков Степной станицы «крестовики» встречаются редко. Однако распространение «крестовика» в степном районе продолжалось и после Гражданской войны. Так называемые «кулацкие» дома, построенные незадолго до коллективизации, чаще всего являются крестовиками. Часто в «крестовики» перестраивали пятистенки, прирубая к существующему дому ещё две комнаты. Усложнение планировки вызвало необходимость дополнительного обогрева частей дома, удалённых от русской печи. Для этого между горницей и третьей комнатой устанавливали «голландку-барабан». У оренбургских казаков вертикальное усложнение планировки не получило широкого распространения. Единичные многоэтажные дома (двухэтажные) появляются в сельской местности лишь к концу XIX в. у зажиточных казаков как городская мода и часто сочетают жилые и торговые помещения. Местное население такие дома до настоящего времени называют «городскими». Усложнение планировки домов у оренбургских казаков шло за счёт увеличения количества помещений в горизонтальной плоскости.

Декоративные украшения

В основном украшали наличники и фриз избы. Наибольшее распространение получили два вида домовой резьбы: глухая (трехгранно- и двугранно-выемчатая, ногтевидная желобчатая) и пропильная. Основным мотивом орнамента является круг или полукруг, состоящий из радиально расходящихся лучей, — «репейник», встречаются и другие геометрические фигуры, например ромб. Подобный мотив широко распространён по всей России. На Урале он встречается повсеместно и является наиболее устойчивым признаком, характеризующим этническую принадлежность жилища. К концу XIX в. наравне с распространённым сюжетом солнечных кругов с лучами, выполненных в технике глухой резьбы, бытуют мотивы с растительным орнаментом, выполненным в технике пропильной резьбы. Форма наличников сельских домов часто копировала формы, распространённые в городах: Оренбурге, Троицке, Челябинске. С начала нашего столетия в декоративном оформлении домов зажиточных казаков стал использоваться металл: подзоры из листового железа украшали ворота, крыльца, фризы, водостоки.

Интерьер жилых построек

Традиционный интерьер без существенных изменений сохраняется до настоящего времени в сельских домах пожилых людей, особенно одиноких, а также в значительной степени в домах жителей среднего возраста. Особенную устойчивость к изменениям и модернизации сохраняет интерьер «избы» — хозяйственной части дома с русской печью, осенью часто именуемой в настоящее время «кухней» даже лицами старшего возраста.

Традиционный интерьер «избы» прямо связан с традиционной планировкой, распространенной на той или иной территории. Традиционная планировка жилища в поселках оренбургских казаков на всей территории практически без исключения северосреднерусская, то есть русская печь расположена справа или слева от входа в «избу», направление «устья» печи совпадает с входом в помещение, печное «чело» (цело) обращено к окнам, выходящим на улицу. Полаты расположены над входом. «Красный угол» относительно русской печи всегда расположен по диагонали. Аналогичный тип планировки избы относительно расположения печи повсеместно распространен на смежных территориях Приуралья, в южноуральских и среднеуральских горнозаводских населенных пунктах, крестьянских селах Челябинского и Курганского Зауралья, в Западной Сибири.

Типы дворов и застройка усадеб

В населенных пунктах на территории бывшего Оренбургского казачьего войска имеют распространение несколько типов застройки дворов: в лесостепном Зауралье — западносибирский замкнутый (покоеобразный) тип. Дома и хозяйственные постройки расположены по периметру усадьбы и плотно примыкают друг к другу, без разрывов. Дом расположен вдоль улицы. В плане постройки образуют букву «П» (покой). В комплекс двора, кроме жилого дома, входят «стайки», навес-«дровяник», «завозня», амбар, летняя кухня «малуха». Бани вынесены за пределы двора и находились на берегу реки. Другой тип застройки существует в степном Зауралье: частично сомкнутый, форма постепенно развившаяся из южной «разомкнутой» в результате последовательного застраивания промежутков между постройкам. «Разомкнутый» южный тип распространен в степном Приуралье.

Комплекс хозяйственных построек у оренбургских казаков можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся летние кухни («землянки», «избенки», «временки», «мазанки», «малушки», «малухи»). Вторая группа построек — это помещения для хранения продуктов: амбары и погреба. Третья группа построек — помеще-

ния для содержания животных («хлевы» или «клевы», «стайки», «сарай», «курытники») и выгородки для открытого содержания скота («карды», «тырла»). Четвертая группа — помещения для хранения инвентаря, транспортных средств, сельскохозяйственных орудий («завозни» — каретные сараи, сараи, «навесы»-дровники). В последнюю, пятую, входят сооружения санитарно-гигиенического назначения: колодцы, бани, отхожие места.

Строительные материалы

Основным строительным материалом при возведении большинства построек было дерево, причем часто для строительства использовали хвойные породы — сосну и лиственницу. Эти породы широко распространены по всему Южному Уралу. Сосна тем не менее встречается чаще и заметно преобладает, поэтому большинство зданий, построенных во второй половине XIX в., сосновые. Заготовка леса в Оренбургской губернии производилась согласно «530-й статьи VIII-го тома свода законов устава Лесного». Для строительства использовался ствол дерева, из которого изготавливали бревна длиной от 5 до 10 м, толщина бревен колебалась от 15 до 50 см. Из бревен делали плахи, брусья и доски. Кроме стволов шли в дело и пни с частью корневой системы. Дома первых поселенцев-казаков Новой линии сооружены на пнях — «сохах». Неровные стволы лиственных пород деревьев для строительства жилья использовались крайне редко. Однако в Еткульском станичном юрте иногда сооружали дома из березовых стволов. В качестве строительного материала использовалась и береста. Учитывая её стойкость к гниению и хорошие водоотталкивающие свойства, бересту использовали в качестве гидроизоляции, прокладывая между срубом и оконными коробками, реже в качестве кровельного материала.

Дикий камень применяли в строительстве повсеместно, но наиболее широко — на юге, в степной зоне, в Верхнеуральском, Орском уездах, имевших дефицит строительного леса. Активно дикий камень стали использовать для строительства в конце XIX — начале XX в. Дома из камня сооружали редко, чаще его использовали для хозяйственных построек. Каменные плиты укладывали перед калиткой ворот или перед входом в дом, мостили дворы. Кирпич использовался нечасто. Временное жилье, летние кухни, бани и другие хозяйственные постройки сооружали из самана.

Самым доступным строительным материалом в сельской местности была глина. Из глины сооружали «битые печи», использовали для изготовления самана, ею обмазывали срубы домов внутри

и с наружи, а также плетневые, саманные, дерновые, каменные стены сараев, стоек, каменные фундаменты, печи. Она служила связующим материалом в каменных кладках, гидроизоляцией на крышах хозяйственных построек, заполнителем в каркасных сооружениях. Глинобитные полы были во времянках, летних кухнях и в домах небогатых казаков в степных станицах. Солому и камыш использовали в качестве кровельных материалов, а также при изготовлении самана.

Листовое железо на крышах домов появилось во второй половине XIX в., из него изготавливали декоративные украшения и водостоки. Часто кровельным материалом для крыш служил дерновый пласт. Из дерна обычно возводили те же постройки, что из самана, при этом трудовые затраты были значительно меньше, так как не требовалось изготовление саманных «кирпичей». Дерновые пласты резали лопатой в степи и возили в посёлок.

Система водоснабжения

Наличие воды было обязательным условием существования населённого пункта. Все без исключения посёлки, хутора и другие типы поселений находились вблизи рек, озёр или крупных ключей. В 1842–1843 гг. при выборе места для новой очереди новолинейных поселений это обстоятельство непременно учитывалось: указывалась характеристика водоема и качество воды. Например, места, выбранные под поселения № 10 и № 11, в будущем названные Полоцким и Новинским, наказным атаманом Оренбургского казачьего войска генерал-майором графом Н. И. Цукато оценивались следующим образом. У Полоцкого: «На речке Кайракты не в вершинах, но в середине, где впадает в нее безымянный ключ (река), плесами очень гниловатая и топкая, по словам киргизов во время зимы имеет дурной запах и в употребление не годная»; у Новинского: «Вода у самого места заселения образовалась плесом из ключей, очень хорошая, которая, по словам киргизов, в зимнее время не замерзает...»¹⁵ Недостаток хорошей воды часто являлся причиной для переноса или упразднения поселения. Так, в Новолинейном районе в течение первых двух десятилетий после основания были перенесены на новое место или упразднены вовсе около десяти посёлков. Одной из причин этого как раз являлся крайний недостаток воды или её плохое качество¹⁶.

Основным источником воды даже в первой половине XX в. являлась река. Если вблизи, а иногда и в самом посёлке, был крупный источник (родник), питьевую воду брали из него. Присутствие крупного хорошего источника позволяло комфортно существовать большому посёлку и при отсутствии крупной реки.

В большинстве посёлков было несколько общественных колодцев. Располагались они на улицах, перекрёстках или на плацу. Колодезные шахты крепились срубом или каменной кладкой. Копать колодцы было делом чрезвычайно ответственным, поэтому старались приглашать специалистов, делали эту работу и сами, но чаще всего «помочью». Для извлечения воды из колодцев использовали два типа приспособлений: противовес («журавль», «очеп») и вращающийся барабан («валёк»).

¹ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 165.

² Рязанов А. Ф. На стыке борьбы за степь. Очерк по истории колонизации Новолинейного района Оренбургского края. 1835–1845 годы. Оренбург, 1928. С. 24.

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 54об.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 334.

⁵ Мочалова М. П. На полуденную сторону. Челябинск, 1978. С. 139

⁶ Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопатных солдат и солдатских малолеток. Департамент военных поселений. СПб., 1843. С. 12.

⁷ Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX — первая четверть XX. М., 1987. С. 47.

⁸ Голубых М. Д. Казачья деревня. М.; Л. С. 6.

⁹ Мочалова М. Н. Ук. соч. С. 152.

¹⁰ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 61.

¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4519. Л. 1–4.

¹² ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 333.

¹³ Дегтярёв И. В. Самое старинное селение на территории Челябинской области// Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области. Миасское-Челябинск, 1996. С. 20.

¹⁴ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилище и хозяйственные строения)// Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 98; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 2. Томск, 1994. С. 136.

¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 52об.—54об.

¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5273. Л. 334.